

УДК 398.6(=511.152)

Е.Н. Ваганова

## ОБРАЗ ЛУНЫ В МОРДОВСКОЙ УСТНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГАДОК)

В статье рассматриваются мордовские загадки с отгадкой «луна», анализируются поэтические средства изображения небесного светила в народных загадках с точки зрения культурных кодов.

Метафора, мифопоэтический строй загадки, луна, культурный код.

The article is devoted to Mordovian riddles with the answer 'moon'. The author analyses some poetic means of heavenly body representation in folk riddles from the point of view of cultural codes.

Metaphor, mythopoetic organization of a riddle, moon, cultural code.

Фольклор каждого народа обладает богатейшей сокровищницей поэтических средств (символов, метафор, сравнений и т.д.), формирование которых исторически связано с мифологическим, архаическим сознанием и особенностями мифопоэтического мировосприятия. Проблемой, разрабатываемой в настоящей статье, является изучение мордовских загадок с отгадкой «луна», анализ поэтических средств изображения небесного светила в народных загадках с точки зрения культурных кодов, а также попытка осмысления и реконструкции глубинного смысла архаического мифопоэтического языка загадки. Для исследования мы использовали материал народных мордовских загадок из сборника «Устно-поэтическое творчество мордовского народа (УПТМН) [7].

Принято различать следующие базовые коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [4, с. 231 – 257]; растительный, зоологический, пищевой, астрономический, космологический, предметный и вещевой [6, с. 23 – 24], которые соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Культурные коды называются еще концептуальными и могут воплощаться в разные субстанциональные коды. Более того, они «информативны в обоих направлениях: изучая растительный код культуры, мы одинаково углубим свои представления о свойствах и характеристиках, приписываемых растениям, и свойствах и характеристиках, приписываемых их новым означаемым (например, персонажам свадебного обряда). Но наиболее интересные взаимные семантические переключки донорской и рецептивной областей, само сближение двух разных сфер действительности и соответствующих ментальных представлений и интерпретаций» [6, с. 30]. Коды культуры реализуются в метафорах, которые классифицируются на: антропоморфные, зооморфные, фитоморфные, натуроморфные, артефактные, механические и др.

Национально-культурная память хранит множе-

ство устно-поэтических произведений. В ее сокровищницу входит и загадка, которая формирует представление об окружающем мире, о самом человеке как части макрокосма и открывает сокровенное через разнообразные способы их описания. Особенно это отчетливо наблюдается в космологических загадках, отражающих инвентарь «алфавита мира» [3, с. 28]. Она кодирует важные смыслы, которые нелегко простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа. Народная загадка позволяет приобщиться к ментальному опыту национального социума, проникнуть в его образное метафорическое мышление. «Метафора в народной загадке – это не безликая метафора вненационального образца, а плоть и кровь национального быта, национального самосознания» [8, с. 167].

Часто природные явления, стихии, небесные светила, животные, мифические существа уподоблялись человеку, наделялись человеческими свойствами, например, сознанием или обликом. Антропоморфизировались разные ритуальные объекты – деревья, камни, являющиеся в анимистических ритуалах предметом поклонения. В силу анимистических представлений в мордовском фольклоре солнце и луна олицетворяются как брат и сестра: *Акат-няльнет кафонест, / Фкясь мады, / Омбоцесь стяй – «Живут брат с сестрой, / Он ляжет (спать), / Она встанет»* [7, с. 24]; *Акат-няльнет кафонест, / Полас-полас ваймосихть – «Брат с сестрой / Поочередно отдыхают»* [7, с. 24]. Реконструкция модели создания загадки позволяет утверждать, что это не единственные примеры. В другой народной загадке солнце и луна символизируют двух сестер: *Кафта аканят-сазорнят / Марса аф эряйхть: / Фкясь туй / Омбоцесь сай – «Сестра с сестрой / Никогда не видятся: / Первая уходит, / Другая приходит»* [7, с. 24]. По приведенным примерам можно судить, что названия, олицетворяющие луну в загадках, колеблются между мужским и женским родом, невзирая на то, что в мордовских языках категория рода от-

сутствует. Антропоморфный код находит отражение в аналогичной модели луна → человек → рогатый пастух: «Кели паксяса **сюру постуф**, / Аф лувомика стадац – В поле рогатый пастух, / Стадо (его) неисчислимо» [7, с. 20]. В загадке звезды представляются как стадо, а луна – как их пастух, владыка стад. Ассоциативные связи, вероятно, возникали с одиноким, но крупным объектом – луной и с безбрежным звездным небом. Не исключена и другая трактовка: величина, значимость для землян луны позволяла ассоциировать луну с пастухом по принципу олицетворения.

Древняя мордва имела устоявшееся языческое представление о том, что с началом лунного цикла месяц «рождается», а в конце – «уменьшается, стареет и умирает», то есть месяц претерпевает метаморфозы. Лунные фазы уподоблялись временам года и различным возрастам человеческой жизни. Луна и изменения ее фаз играли важную роль в аграрно-магическом календаре, поскольку повседневная хозяйственная деятельность, бытовое поведение, семейные обряды и ритуалы определялись фазами небесных светил – солнца и луны.

Неизбежные постоянные эволюции, трансформации и преобразования формы и размера луны, фазисные изменения внешнего облика передаются глаголами. Биоморфный код обнаруживается на уровне анализа предикатов, которые таят в своем значении сему движения: *касомс* – «расти», *келейгавтомс* – «расширяться», *вишккагадомс* – «уменьшаться». Луна воспринимается либо как перемещающийся природный объект – *за одну ночь целый мир пройдет, летит*, либо как находящийся в постоянном покое, *висит*: «**Лиш, лиш – касы-кеlemi**, / **Лиш, лиш – тага кири** – *Летит, летит – растёт-расширяется, / Летит, летит – опять уменьшается*» [7, с. 23]; «**Фкя веста целай мир ётай**, / **Козонга пильгоц аф токай** – *За одну ночь целый мир пройдет, / И нигде ногой не коснется*» [7, с. 23]; «**Лата вельхкса тарваз нюръги** – *Над крышей серп висит*» [7, с. 23].

В зооморфном коде явственно обнаруживаются следы тотемизма. Зооморфные предки человека (люди-птицы, люди-кони, люди-рыбы, люди-медведи), образы которых сохранились в фольклоре, жили в «мифическое время», именуемое «*кезэрень пинъге*» (э.), «*кезоронь пинге*» (м.), в то время, когда еще в сознании людей не было разграничений между человеком и животным. Зооморфный код представлен в мордовских загадках отдельными примерами, в которых луна изображается в образе серебряного коня: «**Орта прянь вельфке / серень лишме ванонды** – *Через ворота серебряный конь глядит*» [7, с. 23]. Ученые отмечают, что «слово *глядит, смотрит* употребляется в смысле глагола «светит», так как *зрение и свет* в незапамятную старину были отождествлены и мифологически, и мифически» [2, с. 152]. Легконогий конь мчится по воздушным просторам, грива его развевается на ветру. Впечатление быстрого движения явилось причиной олицетворения многих явлений природы в образе чудесного коня. Следующая народная загадка изображает луну в образе сивой лошади: «**Панда вельф сивай алаша ванонды** – *Через пригорок сивая лошадь смотрит*» [7, с. 23] или сиво-

го жеребца: «**Орта прява сивай айгор ванонды** – *Через ворота сивый жеребец смотрит*» [7, с. 23]. Эпитет *сивый*, по мнению фольклористов, не что иное, как «*блестящий, сияющий*», а потом уже в значении: «*седой*» или «*с проседью*» [1, с. 149]. Луна светит, но свет ее тусклый по сравнению с чистым и ярким солнечным блеском.

Используемый с высокой частотностью устойчивый образ коня, лошади в паремииологии мокши и эрзи не случаен. Мордва считается древнейшим земледельческим народом. Уже в середине I тыс. н.э. начинает заниматься пашенным земледелием, где роль лошади была исключительно велика. Проживая традиционно в условиях лесостепного ландшафта средней полосы России, мордва была оседлым народом с исконно земледельческой культурой. Трудно представить себе земледельца без доброго, верного коня и поэтому в мордовской поэтической традиции образ коня занимает особенно важное место. Так, в фольклорных произведениях о состязании коня с соколом «**Карциган ды Ракша**» побеждает конь, являющийся символом земледелия. Противопоставление охоте и рыбной ловле сопровождается обычно идеализацией коня, без которого не мыслилось хлебопашество. В песенном фольклоре мордовского народа воспевается образ могучего коня, верного слуги и помощника в боевых походах. Образ коня издревле отмечен и несет на себе печать «возвышенности», олицетворяет добро. Лошадь верно служит своему любимому хозяину, стережет его сон, разговаривает человеческим голосом, предостерегает о грядущей опасности, приводит к источнику живой воды. А конский череп страшен для нечистой силы.

Кульк коня имел устойчивый характер и в дохристианские времена существовал в виде общинных молян – *алашань озкс, лишмень озкс*, в которых участвовали только мужчины и дети мужского пола. Моление проводилось осенью, после посева озимых и совершалось раз в три года. Для этих целей приносили в жертву откормленного жеребца, чтобы умиротворить богов, молились о здоровье и размножении лошадей.

Наблюдательный, тесно связанный с природой человек средневековья видел, что в течение месяца луна на небосводе меняется, она развивается, растет и переходит от одного состояния к другому. У народа, занимающегося животноводством, не могли не возникнуть ассоциации с домашними животными. Молодой месяц, имеющий серповидную форму, уподоблялся барану: «**Весе яркат, весе яркат**, / **Ютксост ансяк ве баран** – *Все овечки, все овечки, / Среди них один баран*» [7, с. 155]. Часто с образом луны соотносится корова: «**Менельса траксонь сюра** – *На небе коровий рог*» [7, с. 23]; «**Менельса скалонь рога** – *На небе коровий рог*» [7, с. 154]. Известно, что рог соответствует одной четверти луны и традиционно символизирует силу и власть. Внешнее сходство послужило основой для метафорического сближения природного явления и домашних рогатых животных, которые доставляли людям пропитание и одежду. А.Н. Афанасьев отмечает: «Олицетворяя ночь корою, фантазия могла перенести это представление и на луну, как царицу неба; но более вероятно, что лу-

на названа коровою под влиянием старинного уподобления серпа молодого месяца золотым рога. Рог месяца уже влекли за собою мысль о рогатом животном» [1, с. 158].

Луна, вполне естественно, ассоциируется с ночью. В загадках она изображается вместе со звездами, представителями светоносной стихии. Луна – самый яркий объект на ночном небе. Господствующее положение планеты среди небесных ночных светил в загадках подчеркивается величественностью: *«Вельхссонк ащи калаця, / Перьфканза паштенят. – Над нами белый калач, / Вокруг него орешки»* [7, с. 24]; *«Луга лангса сиянь нарвай, / Тёжяттё лефкскя перьфканза. – На лугу серебряная наседка, / Тысячи птенцов вокруг нее»* [7, с. 25]. Известно, что луна в отличие от солнца не греет землю, она не светит сама по себе, лунный свет – это солнечные лучи, отраженные от лунной поверхности. Однако в народном сознании априори луна воспринимается как объект, излучающий свет. В эрзянских и мокшанских загадках подчеркивается светоносность луны: *«Валдозо ули, лембезэ арась – Ярко светит, но не греет»* [7, с. 154]; *«Валдоц ули, лямбоц аш – Свет имеет, тепла нет»* [7, с. 24]; *«Валдопты, но аф эжди – Светит, но не греет»* [7, с. 24]. В некоторых загадках происходит сопоставление луны с огнем. Признак «огня» объективируется глаголом *гореть*: *«Палы, но аф эжди – Горит, но не греет»* [7, с. 24].

Следующий пласт загадок связан с птицами. О почитании птиц финно-угорскими народами пишут многие фольклористы, этнографы. Образ птицы у этих народов (в том числе у мордвы) материализован в зооморфных шумящих и звенящих украшениях традиционного женского костюма, вышивке, предметах декоративно-прикладного искусства: в домашней утвари в виде солонок, чашек, ковшей, братин. Практически во всех могильниках мордвы встречаются подвески в виде лапок водоплавающих птиц. В мифологии мордвы великая птица (*иненармунь*) – это собирательный образ водоплавающих птиц: гуся, утки, лебедя. Она творец вселенной, посланница верховного покровителя Нишкепаза, летает по небу, ходит по земле, плавает по воде, ныряет под воду и воплощает в себе несколько природных стихий. В соответствии с трихотомическим делением мироздания на небо, землю и подземный мир и соотносительностью различных зооморфных существ с мировым древом, которые маркируют различные уровни по вертикали, очевидно, вершину «вертикальной» космической модели занимают птицы. Небесная сфера – это все возвышенное, духовное, божественное, место обитания богов, небесных светил, птиц, и не случайно луна в мордовских загадках ассоциируется с крылатыми орнитоморфными образами: *«Сенем эрхккса ведьблоки уенди – В синем озере дикий гусь плавает»* [7, с. 20]. В загадке небо уподобляется водной глади – озеру, а плывущая по небу луна – гусю.

В мифологических представлениях мордвы луна предстает птицей-матерью, звезды – в образе деток-малюток. В мокшанской загадке луна ассоциируется с курицей-наседкой, а звезды с птенцами: *«Луга лангса сиянь нарвай, / Тёжяттё лефкскя перьфканза – На лугу серебряная наседка, / Тысячи птенцов во-*

*круг неё»* [7, с. 25]. Луна в образе наседки собирает около себя птенцов. Солнце и месяц противопоставляются друг другу: если луна заботливая мать, то солнце не знает и не видит своих детей. Луна в отличие от солнца выступает в мордовских загадках внимательной и любящей матерью. Светило наделяется признаками «ласковый, нежный».

Образ луны олицетворяется и другими явлениями. Исследуемые нами загадки обнаруживают гастрономический код культуры: *«Кудо велькссэ киши кочомне, / Киненьгак а сави – Над домом ломоть хлеба, / Никто его не достанет»* [7, с. 154]; *«Лата прясса киши кочам – Над крышей каравай хлеба»* [7, с. 23]; *«Лата прясса пале киши – Над крышей полкаравая хлеба»* [7, с. 23]; *«Лата прясса пярэка нюрэги – Над крышей пирог висит»* [7, с. 23]; *«Лата прясса акша калаця – Над крышей белый калач»* [7, с. 23]; *«Монь ули сиянь копшаце. / Ков эздонза ярхцан, / Тов целайгоды – У меня есть серебряный пирог. / Сколько бы ни откусывал от него, / Он всё полнее становится»* [7, с. 23]. Старинный метафорический язык уподоблял луну продуктам питания, гастрономическим изделиям, изготовленным человеком. Некоторые из них метафорически повествуют о том, как питался земледельческий народ в течение столетий: *киши, прясса, акша калаця, сиянь копшине*. Традиционная пища мордовского народа состояла из продуктов земледелия, основу питания составляли зерновые. Луна в бесчисленных вариантах сопоставляется с хлебом – *киши* (крестьянский каравай, близкий по форме луне), по признаку «круглый, пышный». С глубокой древности основной пищей эрзи и мокши является хлеб, который выпекался из ржаной и пшеничной, реже – ячменной и овсяной муки.

Непременным атрибутом всех воспроизводимых обрядов, праздников, на свадьбе, родине был, бесспорно, хлеб. С хлебом у народа связывалось представление о богатстве, благополучии и счастье. Пекли его из кислого теста на закваске, закладывая тесто в формы или на капустные или другие листья. По праздникам готовили лепешки из сдобного теста, замешанного на сметане, масле, яйцах (*копша, м; сукоро, э*). Под Новый год в каждом доме выпекали орешки из пшеничного теста, которые в загадках в результате процесса метафоризации сближаются по размеру и цвету с яркими звездами: *«Вельхссонк ащи калаця, / Перьфканза паштенят – Над нами белый калач, / Вокруг него орешки»* [7, с. 24].

Фольклорный материал показывает, что между кодами культуры нет жестких границ, поэтому вполне естественно в фольклоре пространственный код может контаминировать с зооморфным и артефактным кодами культуры и представлен некоторыми загадками: *«Сенем паксыя сиянь поткав – В синем поле серебряная подкова»* [7, с. 23]; *«Менельса траксонь сора – На небе коровий рог»* [7, с. 23]; *«Орта прянь вельфке серень лишме ванонды – Через ворота серебряный конь глядит»* [7, с. 23]. Луне приписывается признак «далекий». Пространственно и визуально луна как ночное небесное светило располагается высоко над землей на звездном небосводе. Она наблюдаема, но недостижима: *«Лата прясса няеви, / Да аф сявови – Над сараем видно, / Да не*

достанешь» [7, с. 24]; «Сиянь тарелка, / **няйсак**, да **аф сясак** – Серебряная тарелка, / Видишь, да не достанешь» [7, с. 24]. К визуальному восприятию ночного светила восходит цветовой признак лунного света «сиянь – серебряный». Луна дает свет, сравнимый по цвету с серебром, с благородным красивым металлом, тогда как ее отсутствие означало полную тьму и, следовательно, страх, холод, смерть всего живого [5, с. 336].

Луна в народном сознании одухотворена, и поэтому ей свойственно такое качество как наблюдательность. Соматический код отражен в следующей загадке, в которой луна характеризуется как «сельме – око»: *Шинберьф ваны (аици) фкя сельмоса, / Веньберьф – лама сельмоса* – «Днём смотрит одним глазом, / Ночью – многими» (небо, солнце, луна) [7, с. 21]. Звезды ночного неба уподобляются «сельметь» – глазам, ночью небо «многоочее». Образ луны в этническом сознании дихотомически составляет пару Солнцу. По народным представлениям солнце обладает одним из важнейших качеств – всеведением и всезнанием; оно взирает с высоты неба на землю, все видит и оберегает порядок в дневное время суток; солнце оказывается вездесущим, всевидящим и всеведующим светилем, как бы ограждая от бед находящееся под его покровительством пространство. Луна, как и солнце, которое обладает абсолютным всемогуществом, луна «наблюдает» за человеком и его деяниями, за тем, что происходит на земле в ночное время суток. Мордва считала, что солнце и месяц – зоркие небесные стражи и ничто не укроется от их взгляда: *Кияксъ киинь, / Поталаксъ сиянь, / Кафта сельмоса* – «Пол железный, / Потолок серебряный, / С двумя глазами» (небо, солнце, луна) [7, с. 21]. Солнцу, как и месяцу, приписывается функция «смотреть». Днем небо одноглазое, ночью двуглазое или многоглазое.

Не менее продуктивной является артефактная метафора, используемая в загадках. Часто загадываемые денотаты тесно связаны с особенностями национального крестьянского быта, крестьянским хозяйственным инвентарем, сельскохозяйственными орудиями труда и предметами быта, домашней утварью. Молодой месяц уподобляется «тарваз» – серпу, полная луна ассоциируется с серебряной тарелкой: «*Кудо прясо сиянь тарваз* – *Над домом серебряный серп*» [7, с. 154]; «*Менельса сиянь тарваз* – *На небе серебряный серп*» [7, с. 23]; «*Лата пряса сиянь тарваз* – *Над сараем серебряный серп*» [7, с. 23]; «*Лата вельхкса тарваз нурьги* – *Над крышей серп висит*» [7, с. 23]; «*Сенем паксяса сиянь поткав* – *В синем поле серебряная подкова*» [7, с. 23]; «*Сиянь тарелка, / Няйсак, да аф сясак* – *Серебряная тарелка, / Ви-*

*дишь, да не достанешь*» [7, с. 24]. Загадки загадывались людьми-тружениками в свободное от полевых и других работ время: на отдыхе, посиделках, в праздничные дни, в зимнее время, когда засыпает природа. Мифопоэтический строй загадок впитал в себя образность профессиональной речи земледельцев, плотников, ремесленников – людей труда, чей язык оплодотворялся творческой энергией созидания.

Анализ мордовских загадок с отгадкой «луна» ценен тем, что позволяет обнаружить архаичные знания о мире. Известно, что мифологическая картина мира одна из ранних форм построения Вселенной, восприятия мира. Следы бытовавших ранее представлений, обрядов, обычаев, несомненно, сохраняются в мифопоэтическом языке и строе народных загадок, по ним можно проследить взгляды древних на мир. Загадки о луне доносят до нас реликты древнего знания, показывающие этапы освоения окружающего мира. Представленные метафоры, имеющие общий денотат «ков» – луна, связаны с древнейшими мифологическими представлениями – с зооморфными и анимистическими. Выявленные метафоры позволяют утверждать, что древнему человеку были известны физические параметры луны: форма, цвет, размер, изменения положения в пространстве. Не ускользает от его внимания и внешний облик, таинственная красота луны. Луна воспринимается не только как материальный объект, обладающий естественным объемом физических характеристик и свойств, но и как божественный образ.

#### Литература

1. Афанасьев, А.Н. Древо жизни / А.Н. Афанасьев. – М., 1983.
2. Афанасьев, А.Н. Зооморфные божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк / А.Н. Афанасьев // Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. – М., 1996. – С. 145 – 194.
3. Елизаренкова, Т.Я. О ведийской загадке типа *brahmodya* / Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров // Паремииологические исследования. – М., 1984. – С. 44 – 46.
4. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М., 2002.
5. Краткая энциклопедия славянской мифологии (КЭСМ) / Н.С. Шапарова. – М., 2003.
6. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. *Studia Ethnologica* АБ 60. – СПб., 2007. – С. 23 – 31.
7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа (УПТМН): в 18 т. Мордовские загадки. – Саранск, 1968. – Т. 4. – Кн. II.
8. Харченко, В.К. Метафорический строй народной загадки / В.К. Харченко // Переносные значения слова. – М., 2009. – С. 154 – 168.